

ПУГАЧЕВЩИНА В ДВОРЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

Сообщение С. Елеонского и Г. Александрова

I

«ТОЧЬ В ТОЧЬ» М. ВЕРЕВКИНА

Русская литература XVIII в., мало разрабатываемая современными литературоведами, представляет между тем чрезвычайно благодарный материал для социологического изучения. Никогда еще в истории нашей литературы не обнаруживался так отчетливо и прозрачно ее слоевой, классовый, состав, и может быть никогда отдельные ее слои, отдельные течения, возникшие в толще различных социальных классов и групп, не находились друг с другом в более резко, порою обостренном антагонизме. Последнее больше всего относится к литературным явлениям эпохи Пугачевщины—самого драматического акта в социальной истории XVIII в. В освещении разгоревшейся борьбы мужицкого царя с дворянской царицей не малое значение приобрела литература. Среди различных по своему социальному происхождению ее течений, на протяжении всего XVIII столетия то вступающих друг с другом в оживленное взаимодействие, то круто и враждебно расходившихся между собою, в пугачевскую эпоху особенную силу получает подпольная литература, отражавшая интересы низших и отчасти средних классов общества и расходившаяся в эту пору главным образом в виде замечательных по своей форме и содержанию летучих грамот, подметных прокламаций, писем, подложных указов и манифестов.

Менее значительны были вызванные Пугачевским восстанием произведения феодально-дворянских писателей—представителей аристократических «верхов».

Но и в этом кругу появляется вскоре вещь, представляющая большой интерес, в которой воспроизводится, в типично-дворянском освещении, вся атмосфера Пугачевщины. Здесь фигурирует «вся эта проклятая сволочь», которая «давила, душила, жгла, грабила, индо треск шел» помещика, «раздевал, секли троекратно езжалыми кнутьями» и хотели повесить на воротах собственного дома; «ушибли запором до смерти мать его, детей обузом перебили»; сам воевода опасался «качелей» и веревочного «ожерелья» и т. д. Так писатель екатерининского века М. И. Веревкин в своей комедии «Точь в точь» изображает Пугачевский «бунт»—как бы в ответ на прокламации и воззвания самозванца истреблять «проклятый род дворян»...

Эту комедию как-то замалчивали и при жизни писателя и позже, в различных историко-литературных обзорах и биографических заметках, посвященных М. И. Веревкину, ограничиваясь лишь самыми беглыми упоминаниями о ней. Во всех словарях (начиная с митрополита Евгения Болховитинова и кончая Брокгаузом) сообщалось о Веревкине как об авторе комедии «Так и должно» и ни словом не отмечалось другое и может быть более замечательное драматическое сочинение его «Точь в точь».

Впервые напомнил об интересной, но оставшейся в забвении комедии «Точь в точь» проф. Варнеке, опубликовавший в 1910 г. свой «опыт комментария» к ней¹. Данный им довольно обстоятельный и подробный комментированный разбор, написанный еще в 1908 г., может быть однако уточнен. Уточнить его и вообще напомнить о комедии Веревкина—такова наша задача.

«Точь в точь», «комедия в трех действиях», изданная в Петербурге в 1785 году², как помечено на заглавном листе, была «сочинена в Симбирске». По сохранившимся историческим документам не трудно определить, когда именно М. И. Веревкин жил в Симбирске. Вместе с «усмирителем Пугачевского бунта», как некогда называли графа П. И. Панина, директором походной канцелярии которого он состоял, Вере-

кин пробыл в этом городе несколько месяцев осенью 1774 г., когда там по пути в Москву содержался под стражей выданный правительственным войскам Пугачев. В «послужном списке статского советника Мих. Ив. Веревкина»⁸ указано, что «во время бывшего возмущения самопроизвольно по усердию к службе бывал [он] при генералах Бибикове и графе Панине: при последнем употреблен в Директоры походной канцелярии, где не только должность исправлял с великим трудом, верностью и искусством, но и употреблялся в опасные проезды, о чем он, граф Панин, засвидетельствовал»... Главногокомандующий действительно доводил до сведения императрицы о «нетренированных подвигах, усердии и всеподданнической верности», с какими «отправлял» «коллежский советник Веревкин» «свою многотрудную должность», и получил от Екатерины повеление выдать ему в награду тысячу рублей «из суммы экстраординарной»...⁴

В качестве начальника собственной канцелярии Панина Веревкин занимался между прочим раздачей пособий пострадавшим от «возмущения», а также, по поручению Панина, «генеральным обо всем бунте описанием»...⁵ Плодом же не официальных, а литературных занятий и наблюдений Веревкина над историей Пугачевского восстания явилась его комедия «Точь в точь», написанная, как сказано выше, в Симбирске в 1774 г. и изданная им лишь спустя 11 лет в Петербурге⁶.

Таким образом мы видим, что по обстоятельствам своей служебной деятельности находясь в курсе всех событий Пугачевщины, Веревкин мог по горячим следам воспользоваться ими как богатым и вполне реальным материалом для своей пьесы. Вероятно потому комедия и названа им «Точь в точь», т. е. копия подлинных происшествий.

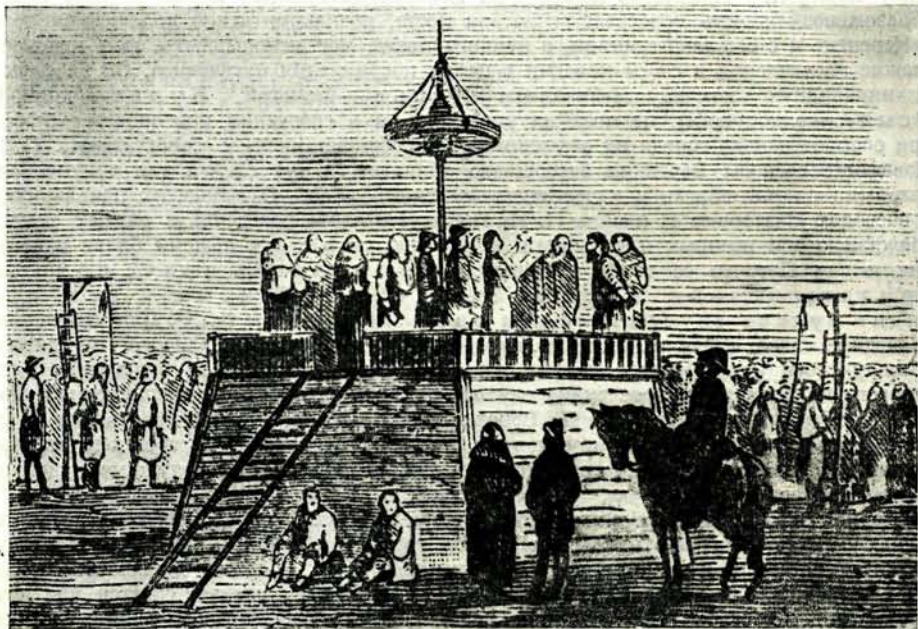
И действительно она воспроизводит замечательно живо и верно, хотя и в подчеркнуто классовой интерпретации, один, самый последний и заключительный, момент в ходе Пугачевского восстания. Бунт уже ликвидируется: «как Архангела с небес пожаловали нам полководца [т. е. Панина], который с небольшими кучками служивых разбил, разогнал, переловил и усмирил всю эту проклятую сволочь; ну таки словно как рукой снял, спасет его Господь Бог»... (I, 1).

В следующем явлении произносится имя и другого знаменитого по тем временам военачальника: «некакой Ми... Ми... Мили... Милизон, так Милизон, дай ему Бог долгие веки, и самую-то небольшую воровскую их шайку путем, сказывают, доехал, отчесал, так что и прах-аг ее больше не помянется»... (I, 2). Это конечно Михельсон, которого несколько далее уже прямо называют по фамилии (III, 7). Сам Пугачев, «Емелька-страдник», уже пойман (II, 6). В тексте комедии сообщаются и более определенные данные, что восстание пугачевцев в описываемой тут местности произошло «в половине минувшего месяца» (II, 2); «уже и в нашем городе имеет быть легулярство. О! егда бы оно здесь имелося быть седмиц за десяток перед сим; не у бы обвещены бяху мнози градоначальницы и дворяне стороны сея; не у бы расхищено было их стяжание»... (II, 6). Все это как раз соответствует времени, когда сам Веревкин в октябре или ноябре 1774 г., задержавшись в Симбирске, создавал свою пьесу.

Точно так же и местность, описанная в комедии, несомненно представляет территорию Симбирской или соседней Пензенской губернии. Действие происходит «в воеводском доме одного из городов Низовых губерний». В разговорах действующих лиц упоминается Саранск и Симбирск (II, 1). Атаман Ванька Иванов, который также фигурирует в пьесе (II, 2), лицо историческое, подвизался в окрестностях Симбирска и Пензы (Пензенском, Петровском, Керенском уездах?). К этому же району должен быть отнесен по своему происхождению один любопытный эпизод, использованный Веревкиным в его произведении: выступающая во втором акте этого последнего помещица «Лежебокова, Феврония Поликарпова дочь, прошением своим объявляет, что... оной атаман Ванька Иванов, бив ее нещадно плетьюми, принудил сочетаться с ним законным браком и держал ее при себе до своей поимки⁸, после чего она явилась здесь и просит о представлении, куда следует, дабы повелено было ей нарицаться именем первого своего мужа»... (II, 2). Воевода обещает представить прошение Лежебоковой «вышней команде»... (II, 3). В основе этой истории лежит действительный случай, сообщение о котором сохранилось в архиве канцелярии П. И. Панина: в период пребывания графа в Симбирске к нему как к «вышней команде» в самом деле поступило такое прошение. Он доложил о нем императрице: «Дворянская жена вдова после сержанта Перепечина Анна Ларионова дочь была захвачена изменнической шайкою, из которой один беглый холоп свойственника сей несчастной женщины силою на ней обвенчался и по наступлении на ту шайку Вашего Императорского Величества воинской команды бросил ее в одной деревне. Она, являя у меня в своем пржалостном состоянии, просила из милосер-

дия Вашего Императорского Величества, чтоб по насильному ее обвенчанию брак уничтожить, ей носить прежнюю дворянскую фамилию»...⁹

Другие черты содержания «Точь в точь» могут быть сопоставлены с фактами, происшедшими в одном из городов данного края. В самом начале пьесы воевода Трусицкий читает полученную им официальную бумагу: «Для чего?.. какой ради причины?.. в силу каких указов, оной воевода Трусицкий, в приближение злодейское к его городу, самовольно отлучился?.. (рассмеявшись) мудроно отгадать! и дурак скажет, что трусости ради... ну виноват ли я, что у меня и тогда кровь застынет, естли кто на меня и прикрикнет?.. а от меня взыскивают, для чего-де я дал стрычка, а не умер со шлагоу в руках, защищая вверенный мне город»... (I, 1). Из дальнейшего мы узнаем, что, несмотря на бегство воеводы, город устоял при нападении на него пугачевских отрядов: «што они у нас выторговали, подступя-то к нашему городу?.. гриб съели», вспоминают потом солдаты штатной команды, оставшиеся верными правительству (II, 1). Оказывается «постоял за себя» «канце-

КАЗНЬ ПУГАЧЕВА

Рисунок А. Т. Болотова

Местонахождение оригинала неизвестно

лярист в должности секретаря» и правая рука воеводы—Клим Авксентьевич Удальцов, организовавший оборону (II, 1). «Я уже отженял,—говорит Удальцов,—от города сего сих трекоаянных, хотя с малою быв дружиною, истинно по-христиански говорю, не допустил бы сопостатов сожещи и пригородных слобод наших, аще бы не вси жители оных к ним приобщишася»... (I, 3).

В материалах по истории Пугачевщины сохранились сведения о нескольких городах этого края, которые были покинуты бежавшими в минуту опасности воеводами. Таковы Алатырь, Саранск, Пенза, Инсар, Керенск, Нижний Ломов, Петровск. Однако за исключением одного Керенска все перечисленные города были захвачены пугачевцами¹⁰, при чем согласно донесения начальника секретных следственных комиссий, учрежденных для разбирательства обстоятельств бунта, Павла Сергеевича Потемкина, саранский и пензенский воеводы, «которые из единой слабости душ оставили вверенные им города на жертву злодею отечества... не избежали мнимым их средством побега поносной, мучительной и бесчестной смерти от варвара Пугачева»...¹¹ Напротив, Керенск, единственный из всех окружных городов, сумел отразить подступавших к нему повстанцев¹²: несмотря на то, что воевода бежал, солпро-

тивление было организовано воеводским товарищем Пермским, под начальством которого «жители,—по словам историка Пугачевского восстания,—при содействии пленных турок и инвалидной команды три раза отбивали нападение мятежников». Последние, не имея успеха, подожгли город в нескольких местах, но пожар был потушен, и Керенск «остался в руках правительственной команды»¹³. В скором времени сюда по пути из Москвы на театр военных действий прибыл главнокомандующий Панин со своим штатом и из Керенска сообщал императрице: «Как здешний город один из всех похищаемых злодеями без всякого гарнизона, помощью единых собравшихся дворян со своими слугами, отставной штатной команды, воеводского товарища с приказными своими служителями и пленными турками троекратно от злодейского нападения оборонен с таким мужеством, что уже деревянного острога половина оными была сожжена, однако же не допустили они злодеям ничего похитить, но их с поражением все отгоняли, то я и взял смелость высочайшим Вашего Императорского Величества именем всех оказавших сию заслугу и верность воинские чины имеющих повысить одним чином, а штатских представить правительствующему сенату»...¹⁴ Правитель канцелярии главнокомандующего Веревкин имел таким образом возможность непосредственно, на месте, познакомиться с положением дела в Керенске и с его защитниками, а немного позже мог использовать свои недавние свежие впечатления в своей комедии в целях посрамления пугачевцев. Он не забыл и инвалидную команду («инвалиды Копье — безногой, Булат — хромой, Усыня — однорукой»), не позабыл рассказать и о сожжении пригородных слобод при обороне самого города их «жителями», «приобщившимися к «сопостатам»... (I, 3) Поведение воеводы Веревкин беспощадно обличает, и тут следуя тем документам, которыми он располагал в качестве должностного лица. О городских начальниках и воеводах Екатерина II писала П. И. Панину: «Слабое поведение в разных местах гражданских и военных начальников я почитаю столько же общему благу вредно, как и сам Пугачев со своей сволочью, и сему теперь иначе помощи придать нельзя как наказанием нерадивых и тех, кто сидят рукава спустя и места свои оставляют»...¹⁵ Для Веревкина последние слова имели своего рода программный характер: нерадивого, трусливого воеводу своей комедии он с первых же строк ставит под угрозу ожидающего его строгого наказания, которое сулит ему официальный запрос правительственной власти. Из биографии самого М. И. Веревкина мы узнаем, что он производил следствие по делу если не фигурирующего в комедии керенского, то соседнего нижне-ломовского воеводы, отданного действительно под суд за «малодушные действия против самозванца»¹⁶.

Аверкий Аверкиевич Трусицкий так оправдывает себя от обвинения в том, что он не умер со шпагою в руках при защите города: «со шпагою в руках!.. а того не спросят, что я и принятая за нее не умею»... (I, 1) «Кто барахтаться-та ею не мастер, тому она, право, везде лишняя, хоть в руку всунь», смеется над ним воеводский секретарь (I, 3). О таких вояках писал еще предшественник Панина по руководству военными операциями против Пугачева, генерал Бибииков: «сия негодница» «только имя регулярных военных людей занимают, не имея, к стыду звания солдатского, ни малейших к тому способностей»...¹⁷

«Неправосудие», «нерадивость», «мздоимство» местных властей, на которые негодвала Екатерина в своих письмах к графу П. И. Панину, также и для Веревкина являются главными темами его сатирических обличений. Комедия «Точь в точь» наполнена резкими выпадами против городских властей—«трусов да обирая» (II, 5), против подъячих, «прадедушка» которых—сам «сатана» (III, 7): «они, проклятые, вить, как злая лихорадка; не вытреса у тебя всего жирку из тела, право, не отстанут»... (III, 9) Готовые по малейшему поводу начать бесконечную судебную волокиту («на сорок лет судебным местам работа возьмется») (III, 7), они представлены автором как само воплощение взяточничества.

Взяточничество, сутяжничество, как известно,—общие места всей сатирической литературы XVIII в. К таким же ходячим темам, разработанным и в разбираемой нами комедии, принадлежат и осмеяния ханжества, суеверия, скупости, невежества, лени, пьянства... Кроме воеводы Трусицкого, скряги и невежды, у которого благодаря халатному отношению к делу даже «потолок в судейской обвалился» (I, 4), а сам он, по суеверию, «всего на свете боится, и грому, и буков и нартиков, и тараканов, и дурных слов, и соли, как она просыплется за столом» (I, 1), комедия «Точь в точь» знакомит нас и с типами уездных дворян-владельцев вроде «пятидесятилетнего недоросля», вечно пьяного помещика Капелькина, у которого злодеи-соседи «сожгли ночью Винокурую» (III, 6), или с «Лентяевского стану, сельца Ту не я до ва, помещиком отставным фендриком Пантелеем Дементьевым

сыном Лежебоковы м... (II, 2) Последний рекомендует сам себя: «Я темной человек, не токмо что указов, да и грамоте мало знаю» (II, 3).

Самая интрига комедии «Точь в точь» построена по образцу многих десятков комедий и «слезных драм», заполняющих репертуар той эпохи, между прочим и по трафаретному образцу двух первых драматических произведений самого Веревкина: «Так и должно» и «Имянинники». Во всех этих трех пьесах основная сценическая ситуация, в сущности, одинакова: влюбленная чета, молодая благородная пара, окруженная представителями старшего поколения, воплощением разных слабостей и пороков, испытывает тяжкие невзгоды благодаря злым козням окружающих или случайным препятствиям, возникающим на их пути; им удается однако преодолеть все испытания и под конец счастливо соединиться друг с другом. Но и тут в самом развитии интриги старые формы традиции воспринимают необыкновенное содержание.

Любопытна уже самая завязка любовной интриги в нашей комедии, изложение которой характерно выражает дворянскую установку автора. Душою героя овладела «неисцельная страсть» к Пульхерии: «Я познал,—рассказывает он,—что нет для меня иного счастья на свете, как в законном с нею сочетании. Я столько был счастлив, что искание мое ее не прогневало; она сама предписала мне о том... изъясниться, однакож не прежде, как по совершенном укрощении мятежей, раздиравших наши пределы, доказав мне, что каждому прямо честному человеку позорно и мыслить о браках и любовных забавах, когда кровь благородных его соотечественников проливается»... (III, 7) Убеденный доказательствами Пульхерии, Воин Воинович Милой расстается с невестой и поспешает к полку, где он состоял офицером, чтобы принять участие в военных действиях против мятежников в Башкирии и Оренбургских окрестностях (III, 7).

Между тем Пульхерию ожидала печальная судьба. По словам отца ее, Аверкия Аверкиевича, «она, бедняшка, и попалась, как кур во щи, злодеям-то в руки. Атаману она приглянулась; он прижал ее, милую, к ногтю, да и возил с собою до самого того дни», как под Черным Яром их «воровская шайка» была окончательно разбита; «под Черным Яром множество едаких, какова моя дочь, дворянчек высвобождены им, голубчиком [Михельсоном], из-под злодейской неволи и развезены по домам, да и еще на казенном коште! между протчими горюшами и (указывает на дочь) она ко мне возвращена»... (I, 2) Все это может быть сопоставлено с подлинными фактами. После сражения у Черного Яра полковник Михельсон препроводил царцынскому коменданту Цыплетеву «не малое число дворянских девиц и дворян, коим,—писал он,—прошу делать всякое вспомошествование в квартирах и в отправлении в их дома»...¹⁸ О них же упоминает главнокомандующий Панин в письме к Суворову: «Дворянских несчастных девиц и женщин, кои от злодея отбиты, воспособствуйте, ваше превосходительство, сколь возможно облегчительнейшим образом и со снабдением к непретерпению бедности в дороге пристойно возвратить по тем местам, откуда они похищены»...¹⁹

Пульхерия, побывав в руках у злодеев, в отчаянии: «О смерть! для чего ты медлишь отделить чистую душу от тела, поруганного извергами человечества!» (I, 2) Она готова уже заключить себя в монастырь, как во главе гренадерского отряда возвращается в город ее жених, который, узнав обо всем случившемся с ней, благородно разрешает узел: «Она невинна... Возвратить честь, утраченную мучительным вынуждением, есть самой сладостнейший долг людей добродетельных»... (III, 7) Проклятия, посылаемые на голову «варваров» и «мучителей», не щадивших ни невинности, ни алтарей²⁰, чередуются в его устах с риторическими сентенциями и резонерскими наставлениями.

В монологах Милого и во всем его образе автором дан в известном смысле апофеоз дворянства, торжествующего победу над пораженным Пугачевым. «Невинность, красота, достоинство, оскорбленные врагами человечества, от руки моей восстановление получают», восклицает этот идеальный представитель класса поработителей, вышедшего победителем из тяжелой борьбы с восставшими «подданными».

С. Е л е о н с к и й

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Известия отд. рус. яз. и слов. Ак. Наук», т. XV, кн. 3.

² Второе издание в Росс. Феатре, ч. XXXIII, Спб., 1790.

³ Напечатан в «Москвитянине» 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 398 сл.

⁴ Бумаги гр. П. И. Панина о Пугачевском бунте.—Сборник русск. Историч. о-ва, т. VI, Спб., 1871, стр. 215—217.

⁵ Тупиков, Мих. Ив. Веревкин. Спб., 1895, стр. 9.—Ср. заметку в словаре Брокгауза.—«Веревкин также находился при комиссии усмирения бывшего возмущения» (Артемьев, цит. соч., стр. 26).

⁶ Ср. у Тупикова, цит. соч., стр. 29.

⁷ Об Иване Иванове см. статью Д. Мордовцева «Пугачевский полковник Иванов» («Политические движения рус. народа», т. I, Спб., 1871).—Н. Дубровина «Пугачев и его сообщники», т. III, стр. 279 и 286, Спб., 1884.—Труды Я. К. Грота, т. IV, стр. 637—638, Спб., 1901.—Сборник русск. Историч. о-ва, т. VI, Спб., 1871, стр. 130, 190, 204.

⁸ Ср. у Мордовцева, цит. соч., стр. 287: «в коляске везли молодую девушку, которую Иванов называл своей женой. Кто была эта молодая особа—нам неизвестно»...

⁹ Сборник русск. Историч. о-ва, т. VI, стр. 187—188, 200.

¹⁰ Н. Дубровина, Пугачев и его сообщники, т. III, гл. VII и X.

¹¹ Труды Я. К. Грота, т. IV, стр. 553 («Материалы для истории Пугачевского бунта»).

¹² Д. Мордовцев, Политич. движения, т. I, стр. 279—280.

¹³ Н. Дубровин, цит. соч., т. III, стр. 171—172.

¹⁴ Сборник русск. Историч. о-ва, т. VI, стр. 133.—У Мордовцева, цит. соч., стр. 280, примеч., приводится также текст грамоты графа Панина, данной керенскому дворянству, с благодарностью за «ревностное усердие, защищение и оборонение сего города»... Грамота писана в Керенске, 5 сентября 1774 года,—накануне цитированного донесения императрице Екатерине II.

¹⁵ Сборник русск. Историч. о-ва, т. VI, стр. 112—113, 135—136.

¹⁶ А. Артемьева, Казанские гимназии в XVIII столетии, стр. 26.—Спб., 1874.—В «Записках» Ив. Фед. Лукина («Жизнь старинного русского дворянина», «Русск. Арх.» 1865 г., стр. 920) читаем следующее: «гр. Панин приказал арестовать воеводского товарища; а воеводе от команды отказал и определил строжайше исследовать полковнику Веревкину, который, прибыв в канцелярию, собрав всех по тому касательных, допрашивал; где и воеводский товарищ теми сысканными изобличен; почему и отправлен в секретную экспедицию в Казань». Составитель «Записок» И. Ф. Лукин—житель Нижнеломовского уезда.

Кстати приведем здесь утверждение А. Артемьева (цит. соч., стр. 21), будто в комедии «Точь в точь» «по сохранившимся сведениям, были осмеяны некоторые из тогдашних известных особ; несмотря на то, эта пьеса была играна несколько раз на Эрмитажном театре, и даже в присутствии тех, на кого она была написана»... Впрочем тот же Артемьев дает и заведомо уже ошибочные указания, что в комедии «Имяниники» Веревкиным будто бы изображена Пугачевщина (стр. 26) и что напечатана была эта комедия в 1774 г. (стр. 20).

¹⁷ Дубровин, цит. соч., т. II, стр. 236, 248; т. I, стр. 316.

¹⁸ Мордовцев, цит. соч., стр. 365.

¹⁹ Дубровин, т. III, стр. 293.

²⁰ «Не щадили и утварей, посвященных бескровному жертвоприношению» (III, 8). Ср. цитату у Дубровина, т. III, стр. 32: Пугачев «храмы Божии выжег, в образы святые от богоотступника стреляно, а другие ими и кашу варили»...

II

«СТИХИ НА ЗЛОДЕЯ ПУГАЧЕВА»

До нас дошло два поэтических откликов дворянской литературы на Пугачевщину. Известны два стихотворения Сумарокова (оба 1774 г.). В одном из них, «Стансе городу Симбирску на Пугачева», он не только бранит Пугачева, но и дает классовую характеристику его социальной программы:

Противен род дворян ушам его и взору;
Сей враг отечества ликует, их губив,
Дабы повергнуть престола сим подпору,
Дворянство истребив.

Дворяне изображены в стихотворении героями долга: «Они мучения стена претерпевали, но он от верности возмог ли их отгерт!» Пугачевцы—по Сумарокову—безумные люди, не знающие «никак ни мало божества», пьяницы, «изверги естества»; Пугачев воюет «разбойничьей толпою», «Он шайки ратников составил из зверей».

Убийца сей, разив, тираня благородных,
 Колико погубил отцов и матерей!
 В замужество дает за ратников негодных
 Почтенных дочерей.

Грабеж, насилье жен, пожары там и муки,
 Где гнусный ты себя разбойник ни яви... и т. д. и т. д.

(О мотиве насильственного «замужества» дворянок с повстанцами см. выше в заметке о комедии Веревкина «Точь в точь».)

Сумароков злорадствует по поводу поимки Пугачева: «Страдай теперь и ты!» Он требует жестокой расправы с Пугачевым.

Пристойные ему возмездия готовы;

Суд злобы не щадит.

Москва и град Петров и все российски грады,
 Российско воинство и олтари, и трон
 Стремятся, чтоб он был караем без пощады...

Но казни нет ему довольных на свете...

В другом стихотворении Сумарокова, названном «Стихи на Пугачева» (или, по другому изданию, «Ода на Пугачева»; оба издания в том же году на отдельных листках, но в «Оде» выброшены два стиха, не меняющие впрочем смысла. «Станс граду Симбирску» также напечатан был на отдельном листке. См. В. П. Семенников «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II». 1915, стр. 117—118),—та же лютая классовая месть:

То мало, чтоб тебя сожечь
 К отмщению невинных муки.
 Но можно ль то вообразить,
 Какою мукою разить
 Достойного мученья вечна!
 Твоей подобья злобе нет,
 И не видал доньне свет
 Злодея, толь бесчеловечна.

Сумароков, один из главарей дворянской поэзии, несомненно хорошо передавал настроения дворянства в эпоху Пугачевщины. Это подтверждается сравнением его стихотворений о Пугачеве с приводимым ниже и, как кажется, доселе еще неизданным произведением. Это—не стихи профессионала-поэта, не стихи культурного на новый европейский лад человека. Это—силлабические вирши, в которых выразил свои мысли о Пугачеве какой-нибудь небогатый помещик, может быть офицер, или даже просто гвардейский солдат из дворян, не вкусивший книжной премудрости, но чувствующий свою пользу не хуже Сумарокова. Он так же «идеологизирует» свою ненависть к вождю восстания, так же говорит о «неповинных» жертвах Пугачевщины, так же бранит самого Пугачева, наконец так же требует для него лютой казни. Стихи эти извлечены из рукописного сборника конца XVIII в. под названием «Книга, называемая когда что попало, собрана на Руси, в Крыму, в Молдавии, в Валахии, в Польше, на Волыни и Литве, как бы сказать с не малыми хлопотами. 1792 года декабря 23 дня»... (сборник начал составляться значительно ранее; он хранится в Институте Русской Литературы Академии Наук, в составе архива «Русской Старинь»; стихотворение о Пугачеве помещено в нем на стр. 151—152, непосредственно вслед за списком «Оды на Пугачева» Сумарокова).

СТИХИ НА ЗЛОДЕЯ ПУГАЧЕВА

Возможноль сие легко снесть,
 Какая получена вредная весть;
 Донской казак Емелька Пугачев
 В такое зло употребить себя смев,
 Общество народно оскорбя,
 Неповинных людей губя,
 Божественный закон преступил,
 Государю своему изменил.
 Как его злодея земля не пожрёт
 И злой его дух судьба во ад не сведёт?

Чем его за такую вину карать?
Тело его по суставам рвать,
Разорвавши тело, ввергнуть в пламень,
Собрав пепел, положить под камень.
На нем все злое его дело написать,
А имя его проклятию предать,
Чтоб видя все читали,
В веки веков проклинали,
За то ему скверному сверчку,
Такому надобно быть и щелчку.

Г. Александров